

Тарасий был знакомым лицом для древнерусского писца. В русской письменности было широко распространено связывавшееся с тем же Хутыньским монастырем «Видение хутыньского пономаря Тарасия».

В. Н. Перетц указывает такой случай приписывания анонимного произведения известному и авторитетному автору. В сборнике Библиотеки Академии наук СССР № 21. 9.33 конца XVIII в. имеется статья (лл. 289—306 об.) «От послания ко Ангиоху князю вопрос 41». Речь в этом сочинении идет о восьмиконечном кресте и об отступлениях от православия «великороссийской церкви», о чем, конечно, не мог писать Афанасий Александрийский (IV в. н. э.), которому это сочинение приписывается. Вопрос действительно заимствован у этого писателя, но ответ распространен так, что подлинный ответ Афанасия Александрийского в нем только цитируется.²⁵ Следовательно, в данном случае не произведение приписывается известному автору, а основная мысль этого произведения. Перед нами не фальсификация, а своеобразное средневековое представление об авторстве.

Очевидно, неясным представлением о писателе и о переписчике и неточным разграничением их труда объясняется и то обстоятельство, что общеизвестные сочинения в некоторых рукописях приписываются неизвестным авторам. Так, Житие Марии Египетской, сочиненное константинопольским патриархом Софронием, в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде XVI в. (Ф. I. 915) приписано некоему «Ефросину старцу» («списано бысть Ефросином старцем», л. 232 об.).²⁶

Приведенные примеры показывают, с какой осторожностью следует относиться ко всякого рода указаниям авторов, находимым в некоторых рукописях. Вот почему мы не должны торопиться приписывать «Степенную книгу царского родословия» митрополиту Афанасию, Повести о Николе Заразском попу Евстафию второму и т. д. на том преимущественно основании, что эти лица в некоторых списках названы в заголовках произведений.

*

Чрезвычайно большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор хотя и не называют себя по имени, но все же говорят о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются и в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительную литературу. По этим записям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому, иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но мы получаем в руки нить, по которой можем иногда разыскать автора. Это исходные данные. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить, какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес свои заметки о себе и т. д.

Так, например, в своде Повестей о Николае Заразском есть прямое авторское указание: «Сие написа Еустафей второй Еустафьев сын Корсунскова на память последнему роду своему» или «Сия бо написа пра-

²⁵ В. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 352. Пример этот взят мною из рукописных заметок В. Н. Перетца.

²⁶ Указание в рукописных материалах В. Н. Перетца.